

ИСАИ КАЛАШНИКОВ

**ЖЕСТОКИЙ
ВЕК**

**ИСАЙ
КАЛАШНИКОВ**

**ЖЕСТОКИЙ
ВЕК**

Москва
«ЭКСМО-ПРЕСС»
1998

**ИСАЙ
КАЛАШНИКОВ**

**ЖЕСТОКИЙ
ВЕК**

Москва
«ЭКСМО-ПРЕСС»
1998

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 17

К 17 **Калашников И. К.**
Жестокий век: Роман в 2-х книгах.— М.: ЗАО Изд-во
ЭКСМО-Пресс, 1998. — 880 с.

ISBN 5-04-000498-2

Войско Чингисхана подобно вулканической лаве сметало на своем пути все живое: истребляло племена и народы, превращало в пепел цветущие цивилизации. Вершитель этого жесточайшего абсурда Чингисхан — чудовище и гениальный полководец. Молниеносные степные переходы, дымы кочевий, необузданная, вольная жизнь, где неразлучны опасность и удача.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-000498-2

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1998 г.

Книга первая

ГОНИМЫЕ

Часть первая

I

Крытый возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля — дэрисуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата — ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрисуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, — она была далеко отсюда, там, где у светлого озера стояли юрты ее отца, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники — олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в острословиях, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник — в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юролы — благопожелания. Ее сородичи славились веселым нравом, песнями и красавицами девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены — предела царства китайского Алтан-хана, — приезжали к ним за невестами...

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутуг — кочевье — не на день, не на два — навсегда. Ей стало так тоскливо, что, позабыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чи-